

Игра

«...Моя душа пуста. Это какой-то безграничный вакуум, в котором можно пропасть. Пропасть и... упасть... в пропасть».

Данила криво усмехнулся и откинул со лба длинную темную челку. Его серые глаза, обычно жесткие и холодные, смотрели на море, на садящееся красное солнце с несвойственным им выражением легкой грусти.

На берегу было пустынно. Прохладный осенний ветер дул мягко, но безостановочно.

«Что дальше?» — подумал Данила и вновь усмехнулся.

Нагнувшись, он сгреб в горсть холодную влажную гальку. И стал медленно перебирать гладкие камешки, с удовольствием ощущая их отполированную поверхность. Потом размахнулся и забросил гальку в море.

Данила пошел неторопливо вдоль кромки воды, не отрывая глаз от полыхающего горизонта.

«Дальше? А зачем? Я знаю лишь одно: сейчас, сию минуту, я — пуст. Так пуст, словно не существую».

Он остановился и закрыл глаза, глубоко вдыхая сырой воздух.

«Почему это происходит со мной? Не знаю. Но меня больше никто и ничто не волнует и не интересует.

Кто я? Что я? Пустота. И эта пустота ходит, двигает руками, пытается рассуждать».

Данила вздохнул и почувствовал легкость во всем теле, словно остаток его существа начал неотвратно растворяться в вакууме. И это почти обморочное ощущение медленного исчезновения доставляло ему тонкое наслаждение.

— Привет! — вдруг услышал он и открыл глаза с недовольной гримасой.

Прямо перед ним стояла девушка в голубом ситцевом сарафане и, сунув палец в пухлый маленький рот, смотрела немного исподлобья с наигранно капризным выражением больших ярко-синих глаз. Венок из помятых, таких же ярких, как глаза девушки, васильков сползал ей на правое ухо, чудом удерживаясь на рыжих кудрявых волосах, которые нещадно трепал ветер. Пряди то и дело падали ей на лицо, почти закрывая его, но девушка откидывала их в сторону и вновь смотрела на Данилу. На вид ей было явно за двадцать, но она строила из себя подростка. Веснушки, гладкая розовая кожа, пухлые, как у ребенка, губы, отсутствие косметики могли бы ввести в заблуждение, но глаза выдавали ее настоящий возраст. Девушка переминалась с ноги на ногу, ее босые маленькие ступни оставляли вмятины на сыром песке.

— Убери палец изо рта, тебе это не идет, — хмуро сказал Данила. Потом нехотя спросил: — Ты кто?

Ему почему-то захотелось снять с себя шерстяной свитер и закутать в него девушку.

— Весна, — ответила она нежным чистым голоском и вынула палец изо рта, опустив руку.

Ее нижняя губа была влажной, и Данила, не отры-

ваясь, смотрел на нее. Во рту у него пересохло. Он откашлялся и сказал:

— Кончай придуриваться! Как тебя зовут на самом деле?

— Весна, — певуче повторила девушка.

Ее губы дрогнули, и она, закинув голову, звонко расхохоталась, обнажая мелкие белые зубы. Васильковый венчик соскользнул с ее головы и упал на песок. Девушка перестала смеяться и шагнула к Даниле. Затем мягко положила руки ему на плечи и глубоко заглянула в глаза. Он мгновенно погрузился в чистую синеву ее взгляда и почувствовал в осеннем ветре сырую свежесть мартовского дня и теплое прикосновение солнечных лучей. Данила даже услышал оглушительное и многоголосое чириканье воробьев, какое можно услышать только ослепительным весенним утром. И это ощущение просыпающейся природы и очередного возрождения, все того же, повторяющегося из года в год, начало заполнять маленькую часть безмерного вакуума его души неясной радостью. Оно стало быстро разрастаться, словно сильные зеленые побеги потянулись в разные стороны и, заплетая, оживили пустоту. Данила отдался во власть этого неожиданного захвата его мира и мгновенно почувствовал прилив энергии.

Естественным движением было обнять девушку и прижать к себе. Закрыв глаза, Данила нашел ее мягкие губы своим нетерпеливым пересохшим ртом и начал не отрываясь целовать. Он ощутил, как уходит легкость и приходит желание, и все его тело наливается тяжестью. Данила перестал чувствовать свежесть весеннего ветра, и гнетущая печаль вошла в его сердце.

— Нет! — вскрикнул он и оттолкнул девушку. Его потухший взгляд остановился на ее зарозовевшем лице.

Он больше не замечал синих прозрачных глаз, а только влажные приоткрытые губы.

— Нет, — зло повторил он и добавил с еле сдерживаемым раздражением: — Проваливай!

Данила закрыл глаза и опустился на сырой песок, обхватив голову руками. Он почувствовал, как его душа сжимается и, сделав усилие, освобождается от остатка только что испытанных эмоций. И вновь становится пустой. Данила с наслаждением погрузился в эту пустоту и замер, словно в невесомости. Темнота и тишина окружили его. Он подождал немного, но ничего не происходило. Открыл глаза и понял, что по-прежнему в темноте и к тому же не ощущает своего тела.

«Я умер? — возникло в сознании, и страх сжал душу. — Почему так темно?»

Данила почувствовал себя маленьким мальчиком, которого наказали и оставили одного ночью в запертой комнате. И этот пришедший из памяти ужас перед темнотой и одиночеством мгновенно довел его почти до безумия.

— Не хочу! Нет! Выпустите меня отсюда! — закричал он, как в детстве, и брызнули слезы отчаяния.

— Тихо, тихо, сынок, успокойся, — раздался голос, и Данила замер, вспоминая этот забытый тембр, эту интонацию и тут же узнавая.

Он вытер глаза и начал различать в окружающем мраке неясное пятно. Это было лицо давно умершего отца.

— Папа? — тихо спросил он.

И потянулся всем существом к этому неясному видению. Страх медленно уходил из сжатой души.

— Папа, — повторил он.

И любовь, которую он всегда испытывал к отцу, любовь сильная, немного болезненная из-за того, что отец не жил в семье, а лишь изредка появлялся в его жизни, вновь затопила его душу с прежней силой и болью.

— Папа, — сказал он и расплакался, как в детстве, — я так скучаю по тебе! Я все-все помню, все твои слова, твой голос, твой запах. Я все еще люблю тебя и не перестану любить никогда.

— Я знаю, сынок. Успокойся. Сейчас ты понимаешь, что не нужно бояться смерти. Ты — жив, а я — умер. Но что изменилось между нами? Ведь и твоя и моя любовь остались. Не так ли?

— Да, — ответил Данила, счастливо улыбаясь.

И тут же почувствовал, как большая мягкая ладонь легла ему на лоб. Он легко вздохнул, успокаиваясь, и мгновенно провалился в сон.

Данила проснулся от мимолетного щекочущего прикосновения к своей щеке чего-то маленького и мягкого. Открыв глаза, он увидел стройные коричневые стволы молодых сосен, убегающие вверх, в голубой купол неба, и порхающий силуэт бабочки, удаляющийся от его лица. Солнечные лучи пронизывали лес искрящимися нитями. Смолистый, разогретый летним жаром аромат сосен пропитывал воздух, смешиваясь с запахом цветов, ягод и трав. Данила с наслаждением глубоко вдохнул и улыбнулся. Под лопатка-

ми он почувствовал упругий ковер мха и улегся удобнее, полностью расслабившись. Он машинально перебирал пальцами мягкие травинки, бездумно глядя в небо. Почувствовав под правой ладонью влажные шарики ягод, нащупал стебельки и вырвал кустик с крупными спелыми ягодами земляники. Какое-то время он любовался их совершенной формой, бархатной красной поверхностью с крошечными желтоватыми шариками семян, вдыхал сладкий запах. Потом сунул ягоду в рот, раздавил языком ароматную прохладную мякоть, ощутив спокойное, чисто животное удовольствие.

«Будто причастился», — почему-то подумал Данила и вытер губы тыльной стороной ладони.

Он снова устремил взгляд в небо и почувствовал, как душа словно тает и начинает раскрываться навстречу потоку солнечного света. Он не стал препятствовать этому и полностью отдался ощущениям. И вот душа его распахнулась и впустила мощный животворный поток энергии, который мгновенно заполнил ее до краев.

— Как хорошо! — воскликнул Данила и даже зажмурился от удовольствия. — И как просто! Нужно лишь почувствовать себя частичкой и этой земли, и этого неба, и даже травы и пропускать через себя потоки энергии, которые все пронизывают и все скрепляют. Я — часть природы и ничего больше! Какое наслаждение слиться со всем этим!

Данила окинул взглядом сосны, зеленые иголки хвои, просвечивающую между ними яркую голубизну неба. Он вскочил, полный сил, и, весело посвистывая, пошел быстрой упругой походкой между деревьями,

сам не зная куда, оставляя за спиной свежесть зелени, сухой жар лета и поблескивающие золотом нити паутины.

Неожиданно Данила очутился в сгоревшем лесу. Он шел на закат. Ноги при каждом шаге мягко утопали в золе. Вокруг торчали черные обгоревшие остовы стволов деревьев, небо было багровым от света садящегося солнца. Серовато-черная смесь пепла и сажи под ногами, угольно-черные стволы на фоне кровавого темно-красного неба и огромный раскаленный полукруг садящегося солнца привели Данилу в неопишуемый ужас. И он, сам не понимая зачем, побежал изо всех сил к садящемуся светилу. Он ощущал сумасшедший стук сердца, кровь билась в висках, в носу стоял запах гари, и Данила начал задыхаться. Он выскочил на край обрыва и, не удержавшись, полетел почему-то не вниз, а на солнце, полетел неудержимо, как мотылек на огонь. Данила ощутил ни с чем не сравнимый и никогда ранее не испытанный восторг, его душа разрывалась от счастья, и яркие жгучие искры экстаза ослепили и обожгли все его существо. Он уже ничего не боялся, ничего не понимал, какие-то невероятные фантастические картины проносились в его мозгу, и он мог по своему желанию задержать их и даже внедриться внутрь. Но на самом пике эйфории, когда его перенасыщенная душа готова была разорваться, Данила почувствовал, как тяжелая ладонь надавила на голову, и от этого прикосновения он стремительно полетел вниз.

Данила очнулся в каком-то неизвестном ему месте. С трудом разлепив глаза, он понял, что лежит на полу

подвала среди расprostертых тел. Пластиковые бока шприцов матово поблескивали на темном полу. Тяжелый запах застоявшихся испражнений и выделений ударил ему в ноздри. Он услышал бормотание, стоны попеременно с бессвязными выкриками и истеричным смехом. Он вдруг почувствовал, что лежит в луже мочи. Данила хотел встать, но все тело было налито такой невероятной тяжестью, что казалось, он слышит, как трещат его кости. Ему чудилось, что он навечно прикован к этому месту. И от отвращения, слабости и жалости к самому себе его начало тошнить и захотелось только одного — не быть. Он поднял руку к лицу и увидел свою синюю кожу с дорожками от уколов.

— Зачем я?! Не хочу больше! Не хочу! — закричал Данила и потерял сознание.

Шелковые простыни приятно охладили обнаженное, разморенное со сна тело. Данила сладко потянулся и открыл глаза. В спальне царил приятный полумрак. Кондиционированный воздух вливался в легкие чистой прохладой. Данила потянулся еще раз и сел на постели, опустив ноги на пол. Под босыми ступнями он с удовольствием ощутил мягкий ворс пушистого ковра. На низком стеклянном столике возле кровати стояло китайское фарфоровое блюдо, доверху наполненное разнообразными фруктами. Данила лениво взял грушу и впился в мякоть зубами. Раздался звонок сотового. Данила, поговорив пару минут, бросил телефон на кровать и подошел к окну. Раздвинув шторы, он привычно глянул вниз на свою новую дорогую машину.

«Пора ехать, — подумал, внутренне сосредоточив-

шись. — Дел, как всегда, много. И все они прибыльные».

Данила самодовольно усмехнулся и отправился в душ. Позавтракав и тщательно одевшись, он вышел в коридор и остановился у большого, во всю стену, зеркала, глядя на свое отражение и приглаживая волосы рукой. Потом на мгновение замер, приблизив лицо. На него смотрел молодой симпатичный ухоженный мужчина. Но губы были сжаты, глаза холодны, выражение лица жесткое и самоуверенное.

«Пора», — подумал Данила и взял ключи от машины.

Но странная тоска вошла в душу. Он присел на кушетку и сжал пальцами виски.

«Все одно и то же изо дня в день! Скука какая. Скука... Чем больше у меня денег, тем меньше у меня свободного времени и тем больше мои расходы. Замкнутый круг. А дальше что? Все мои так называемые друзья и якобы любимые женщины, все мои родственники хотят лишь одного — моих денег. А мои партнеры? Утопить и завладеть опять же моими деньгами. Дерьмо все это. Весь мир вертится только вокруг денег, будь они прокляты! Я с утра до ночи и с ночи до утра занимаюсь одним — зарабатываю деньги. А не пошли бы они к е... матери!»

Данила вдруг расхохотался, чувствуя явное облегчение.

ОН играл с удовольствием. Раскрыл левую ладонь, и на ней возник большой прозрачный шар. Приблизив лицо, ОН стал рассматривать движение энергетиче-

ских потоков внутри шара. Потом легко дунул, и шар мгновенно опустел.

ОН улыбнулся и раскрыл другую ладонь. В центре ее появилась стройная рыжеволосая девушка. Она положила палец в рот и начала кокетливо улыбаться. ОН сблизил ладони, и девушка проникла в пустующий шар. Но скоро покинула его и исчезла в пространстве. ОН рассмеялся.

Внутренность шара стала чернеть. ОН строго взглянул на появившегося старика, потом кивнул ему. Старик приблизил лицо и заглянул внутрь шара. Затем медленно отодвинулся и исчез.

ОН взял шар в обе ладони и посмотрел сверху в глубину вакуума. Увидел белое облачко, зеленые кроны сосен, бегущие вниз коричневые стволы и на самом дне фигуру лежащего юноши, который смотрел прямо на него, ОН на миг замер, встретившись с его пристальным взглядом.

Потом нахмурился и перекатил шар на левую ладонь, сжав в кулак правую и ощутив теплой кожей холодную округлость шприца. Шар окрасился в красные тона, и черные тени обвили его со всех сторон. ОН почувствовал боль и, задержав это ощущение на миг, отпустил шар. Шар полетел вниз, но ОН тут же поймал его в ладони.

Боль пропала, и появилось желание поиграть в скучные земные игры. Но это быстро надоело. ОН решил, что пришла пора для настоящей игры.

Шар разросся до огромных размеров, а ОН одновременно с этим разрастанием становился все меньше. Затем скользнул внутрь и очутился в маленькой, просто обставленной комнате. ОН приблизился к Да-

ниле, который сидел за письменным столом лицом к окну. Перед ним лежал лист бумаги, исписанный наполовину. Данила грыз кончик ручки и невидяще смотрел прямо перед собой. Потом он скомкал лист и бросил его на пол. Какое-то время Данила тихо плакал, положив голову на скрещенные руки. Его душа, переполненная тоской, постепенно освобождалась, и боль начала утихать.

Дождавшись этого, ОН слился с этой душой.

Данила выпрямился, его глаза засияли. Как будто услышав что-то важное, он схватил ручку и чистый лист и начал писать:

«Моя душа пуста. Это какой-то безграничный вакуум, в котором можно пропасть. Пропасть и... упасть... в пропасть...»

Его беседы

— Ты! Ты жесток! — зло пробормотал Алексей и посмотрел укоризненно в дальний угол комнаты.

Белая фигура, стоящая там, казалась голубой из-за густого синего света зимних сумерек.

— Жесток беспредельно и совершенно неоправданно, — упрямо повторил Алексей и почесал волосатую грудь в распахнутом вороте пижамы.

— Это не так, — послышалось из угла.

И фигура, приблизившись, опустила напротив, на соседнюю кровать.

— Нет! Именно так! — взвизгнул Алексей и начал истерично хохотать. Немного успокоившись, пробормотал: — В свои тридцать три года я кое-что понимаю в этом мире. Сознайся, тебе нравится твоя же собственная жестокость. Так? Да ты просто упиваешься ею! Садист! Ведь я люблю ее! И ты знаешь, как! И она меня тоже. И вот, по твоей милости, все это враз, непонятно и ненормально закончилось. Почему? Ты можешь мне внятно объяснить? Ведь я — люблю! Понимаешь ты это? Люблю!

Алексей почти кричал. Фигура не шелохнулась. После небольшой паузы раздался мягкий голос:

— Я знаю. И ясно вижу. Но пойми ты, вижу одинаково как в твоём сердце, так и в её. То, что я увидел в её сердце, и дало мне право развести вас навсегда.

— Навсегда?! — взвизгнул Алексей. — Ты сказал: навсегда? Да кто тебе дал такое право? Я должен сам! Понимаешь, сам! И никто не имеет права вмешиваться! Даже ты, Господи.

— Ты слышал много раз, что браки заключаются на небесах.

— И что? — с легкой угрозой в голосе поинтересовался Алексей.

— Она, якобы твоя любимая, — твой обман. Ты заслуживаешь лучшего. Зачем тебе ложь и предательство? Когда я в этом окончательно убедился, я развел вас.

— Но это ты убедился! Ты! Понимаешь? А я за что должен так страдать? Ведь это моя девушка!

— Ты уверен? А может, чужая?

Фигура приподнялась с кровати.

— Куда? — вскрикнул Алексей. — Мы еще недоговорили.

— Чего тебе еще? — раздался тихий голос.

И фигура вновь опустилась на место.

— Правду!

— С ней тебе было бы трудно писать свою музыку.

— Ах вот, значит, как! — закричал Алексей, соскакивая с кровати и угрожающе нависая над сидящей неподвижно фигурой. — И что? Не хочу жить без нее! Не могу писать без любви!

— С ней ты бы в скором времени умер как художник, как творец.

— Ты-то откуда знаешь? — начал он. — Ах да...

Алексей замолчал, обхватив пальцами бритую голову. Слезы заструились по щекам. Горькие складки исказили красивый рисунок губ.

— Это пройдет, — мягко проговорил голос. — Надо переждать, и твоя психика восстановится. Ты вновь будешь слышать меня и сможешь записывать.

— Зачем мне это без любви? — Он упал на кровать. — Я писал для нее, а вовсе не для тебя, как ты думаешь.

— Хорошо. Ответь мне тогда: что такое гармония?

— О! Я знаю это, — радостно проговорил Алексей и сел прямо, глядя на фигуру. — Это — моя единственная радость. Я слышу ее во всем: в смехе моей любимой, в шорохе ее платья, в шелесте листьев под летним дождем, в звоне тонкой струйки воды из-под крана, в трелях птиц ранним утром... Долго перечислять. Тебе то это зачем? Ты же сотворил все это и знаешь лучше меня, что такое гармония.

— Да, я — творец. Но ведь и ты стоишь на этом же уровне. Я вложил в твою душу способность слышать и понимать. И ты тоже можешь творить. А это высшее счастье, доступное человеку. Но из-за этой женщины ты можешь предать гармонию, выбирая смерть. Хочешь, покажу?

И Алексей мгновенно увидел любимую, которая стояла нагишом, на четвереньках, а сзади к ней прилип их общий друг. Они оба визжали от животного наслаждения.

— Не-е-е-т! — дико закричал Алексей, тут же закрывая рукой глаза.

— Смотри прямо в сердцевину правды и освободи наконец свое сердце от лжи. Зачем так рано выбирать смерть? Смотри!

Фигура встала. Рядом с ней мгновенно возникла другая, вполне классического вида: длинный саван с

капюшоном, пустые глазницы черепа и блестящая коса, ручку которой придерживали белые кости кистей. Алексей в оцепенении глядел на видение.

— Смотри!

Фигура легко, словно куклу, развернула Смерть спиной к нему. И он увидел цветущую девушку с ясной улыбкой на розовых губах и венком полевых цветов на растрепанных густых волосах.

— И что? — хмуро спросил Алексей, опустив руки на колени и ссутулившись.

— Жизнь и смерть — две половинки одного целого. Зачем же разворачивать смерть к себе лицом, если еще не до конца наслаждался жизнью?

— Действительно, зачем? — глухо спросил Алексей и невидяще уставился в пол. — Что меня ждет? — после продолжительного молчания поинтересовался он.

— Желание заглянуть в будущее — извечная ловушка, которой следует избегать.

— А все-таки? — упрямо спросил он и пытливо глянул на фигуру напротив.

— А если я скажу, что ты сам создаешь свое будущее именно в эту минуту? А я потом только корректирую.

— Но ведь ты — всемогущ и всезнающ, и все в твоих руках, — ответил он с вызовом. — Ведь ты всегда карал и миловал по своей воле.

— Устарелое представление.

— Да? — спросил Алексей и саркастически усмехнулся, подтягивая на коленях полосатые пижамные брюки. — А кто беспрерывно мучает меня? Знаю я все твои фишки! Сытый и безмятежный ничего не создаст, — с издевкой проговорил он. — Разве это не твои

установки? Я родился, и ты дал мне дар, даже не спросив, нужен ли он мне. И чтобы выжать из меня по максимуму, ты давишь меня всю жизнь. Мне тридцать три года, твой пресловутый возраст, а сколько я уже всего перетерпел?! И голод, и нужду, и горе, и бесконечную боль, и предательство. Я уже не говорю о тех страстях, которые разъедают меня изнутри, о тех невероятных взлетах и падениях души. И все это только для того, чтобы мой слух, вернее, слух моей измученной души, приобрел необыкновенную остроту и чувствительность, и я услышал и донес на землю твои песни. Вся моя жизнь подчинена только этой задаче. А я?! Обо мне ты подумал, черт тебя дери!

При этих словах фигура чуть вздрогнула и как бы истончилась.

— Извини, зря я черта при тебе упоминаю, — тихо сказал Алексей. — И у тебя свои проблемы, нам неизвестные. — После паузы он продолжил с прежней интонацией вызова: — А я — человек. И хочу обычного человеческого счастья. Тебе это в голову, или что там у тебя, не приходило? Хочу дом, жену, детей, простого счастья и заботы близких. Мне так мало надо! Отпусти меня, освободи от этой пожизненной каторги творчества. Зачем ставить меня, простого смертного, на одну доску с тобой, великим творцом мира? Ты — жесток!

Алексей замолчал, сжав виски ладонями и закрыв глаза. Фигура не двигалась. В комнате было темно. Только тусклый свет фонаря за деревьями бросал причудливые тени через окно на белые стены. Фигура пошевелилась. Тихий голос произнес:

— Я люблю тебя, Алексей, божий человек. И твоя

боль — это моя боль. Ты чувствуешь меня сердцем, когда пишешь музыку.

Алексей выпрямился и гневно посмотрел на белый силуэт.

— Надоело мучиться! Хочу избавить себя от страданий и соответственно от тех мелодий, которые рождаются внутри меня, от боли и переизбытка мыслей и эмоций. А ведь это твои мысли и эмоции.

— Это спорный вопрос.

— А ты никогда не думал, что в один прекрасный момент я могу не выдержать и разорваться изнутри?

— Напишешь — облегчишься.

— Благодарю!

Алексей вскочил, по-старомодному щелкнул пятками и резко кивнул. Но растоптанные шлепки соскользнули, и он чуть не вывихнул лодыжки. Вновь опустившись на кровать, зло проговорил:

— Пусть кто-нибудь другой поживет в таком аду. А с меня достаточно!

— Твою музыку можешь написать только ты, — сказал голос.

— Да ладно тебе! Только я?! Не хочу! Не хочу больше! И не буду! И отстань!

В его голосе появились капризные нотки. Алексей соскочил с кровати, отшвырнул шлепки и забегал босиком по узкому пространству от окна к двери и обратно.

— Отстань, слышишь? — нервно вскрикивал он. — Не хочу больше боли! Верни мне ее! Пусть она не любит меня, пусть изменяет! Но пусть будет рядом! Всегда! Слышишь, Господи, всегда! Верни мне ее!

— Пусть все остается как есть. Ты потом спасибо мне скажешь.

— Не скажу!

Алексей остановился и начал лихорадочно грызть ногти. Потом подбежал к фигуре и замер напротив.

— Я — не твой личный раб! Замолчи! — закричал он.

Потом плюхнулся на кровать и заткнул пальцами уши, продолжая быстро говорить:

— Я вообще еще раз умру! Первый раз не вышло — умру во второй и уже наверняка.

Фигура встала и подошла к нему. Голос спокойно произнес:

— Еще раз: жизнь и смерть — одно целое. Зачем спешить переходить из одного состояния в другое? Всему — свое время.

Но Алексей замотал головой, продолжая зажимать уши.

— Не слышу я тебя. И не говори ничего! Я люблю ее, и она меня любила. И это была моя единственная радость. Что ты можешь в этом понимать? В простом земном счастье? Это и была моя гармония. Понимаешь, в чем фишка? Не твоя и не вселенной, а моя! Только моя личная гармония!

— Ответь мне на один вопрос...

Голос на мгновение замолчал. Алексей опустил руки и поднял голову.

— Почему же тогда она перестала тебе звонить, к тебе приходиться и просто исчезла из твоей жизни?

— Да, почему? — оживился он. — Тебе-то лучше знать. Ты же у нас — всевидящий всезнайка.

— Но я же тебе все показал. Повторить?

— Нет! — испуганно ответил Алексей, тут же опускающая голову.

Из его глаз потекли слезы.

— Очень много в мире зла. А для тебя зло — это она, твоя любимая, — продолжил голос.

— Да мне-то что?! — всхлипнув, закричал Алексей. — Лишь бы была рядом! Это ты знаешь, что она для меня зло. Но я-то нет! Так дай же мне такую возможность самому разлюбить, самому разочароваться, самому понять, что она собой представляет в действительности. Хотя бы раз избавь меня от этой пытки: пытаться вернуть уже невозможное. Не режь по живому! Пусть я сам отрежу, когда пойму, что ты прав. Дай мне возможность понять! Сделай это ради меня! Пусть твоя музыка подождет! Останови пока процесс!

— Ты просишь того, что даже я вряд ли смогу исполнить, — задумчиво произнес голос. — Все во вселенной устроено по жестким законам. Если я нарушу хотя бы один из них, то воцарится хаос, и пострадаю я, а значит, и мир. Это круг.

— И что?! — заорал Алексей, вскочив с кровати. — Ты можешь все! Так переверни ради меня, простого смертного, вселенную! Сделай из круга квадрат, что ли! Хотя бы на время. Что такое отрезок времени моей жизни по сравнению с вечностью? Всего лишь точка! Сделай это ради меня! И верни ее! Дай мне ее! Дай!! Дай!!

Алексей упал на пол и забился в судорогах, продолжая что-то выкрикивать.

Вбежали санитары, за ними врач. Его быстро скрутили и ввели в вену лекарство. Через несколько минут, бледный и расслабленный, Алексей лежал на кровати,

провалившись в глубокий полуобморочный сон. Санитары, подождав немного и видя, что он неподвижен, вышли, тихо притворив за собой дверь.

Через два месяца, когда его состояние значительно улучшилось и стабилизировалось, Алексея выписали из клиники. Погода стояла холодная, но чудесная. Яркое мартовское солнце заливало землю золотым светом. Когда Алексей вышел на свет божий, его глаза невольно прищурились, но бледные губы улыбались.

И тут он, обмирая в душе, увидел, что у ворот клиники стоит она, его любимая, и держит в руках белые тюльпаны, его любимые цветы. Алексей бросился к ней, смешно разъезжаясь ногами на подтаявшем скользком снегу. Обняв дрожащими руками, уткнулся носом в ее пушистые волосы.

— Здравствуй, — тихо сказала она, отстраняясь и тут же подставляя губы для поцелуя.

Алексей припал к ним, как к живительному источнику. Потом оторвался, глядя ей в лицо, словно не веря. Она опустила голову, прикрывая ресницами лживые глаза и пряча лукавую улыбку. Затем прижалась щекой к его плечу.

— Благодарю, Господи, — прошептал Алексей, чувствуя, как от счастья начинает кружиться голова, а в ушах звучит новая ликующая и неизвестная ему мелодия...

Аромат рябины

Моей маме

— Все, деточки мои, с меня хватит! — пробормотала Ирина Федоровна, снимая со сковороды последний кусок рыбы и аккуратно выкладывая его на большое плоское блюдо.

Она посмотрела на другие куски, над которыми поднимался пар, и начала резать укроп.

— Хватит! — повторила она решительно.

Потом посыпала рыбу укропом, вымыла руки и, забыв снять фартук, быстро вышла из кухни. Зайдя в свою комнату, Ирина Федоровна стащила со шкафа дорожную сумку и начала укладывать в нее свои вещи. Деньги, свернутые в рулончик и перетянутые черной резиночкой от бигуди, она сунула себе за пазуху, поглубже в плотный ситцевый лифчик. Забрав из комода свои документы, Ирина Федоровна завернула их в старый газетный лист и, подумав секунду, спрятала на дно сумки. Тщательно пригладив растрепанные седые волосы, она накинула летний плащ прямо на ситцевый застиранный халат и, так и не сняв фартука, вышла из квартиры. Сумка показалась ей довольно тяжелой, но Ирина Федоровна закинула ее на плечо и быстрым шагом спустилась по лестнице. Раскрыв дверь подъезда, она глубоко вздохнула и стремительно отправилась по улице.

Что на нее нашло, она сама не понимала. Жилось ей в семье сына хорошо, с невесткой она ладила, а пятилетнего внука Тему обожала. Всю жизнь Ирина Федоровна жила по правилам. Она была образцовой дочерью, потом женой, матерью, бабушкой. Она отлично училась в школе, потом в техникуме, затем работала бухгалтером. Когда вышла на пенсию, то ревностно занялась хозяйством, ежедневно прибирала и намывала свою крохотную однокомнатную квартиру. А потом умер от сердечного приступа ее муж. И сын уговорил переехать к нему. Она сдала свою квартиру молодой паре и перебралась к сыну. И тут Ирина Федоровна всячески старалась быть полезной. Она убирала, стирала, готовила, ходила за продуктами, занималась с Темой и все делала с удовольствием. Так прошло пять лет. Вчера ей исполнилось шестьдесят два. И вот сегодня что-то произошло, какой-то внутренний голос сказал: хватит! И она послушалась. В один миг разорвала привычный нескончаемый круг и вышла из него.

Быстро идя по улице, Ирина Федоровна даже не задумывалась, куда. Она просто шла, словно кто-то звал ее, и чувствовала в душе все разрастающуюся радость. Или это цвета уже блекнувшей августовской листвы так подействовали на нее, или начинающие краснеть гроздья рябиновых ягод, или тон ярко-синего, почти осеннего неба. А может, монотонное жужжание стремящихся в дом толстых мух нагнало на нее это странное настроение, она не понимала. Но ноги словно сами вынесли ее из квартиры. И она не задумываясь шла и шла.

Когда Ирина Федоровна оказалась на автовокзале,

она купила билет, села в автобус и стала смотреть в окно отсутствующим взглядом. Через два часа она сошла возле деревеньки, в которой родилась и выросла. И, опустив сумку на жухлую пыльную траву, огляделась. При виде знакомых березок, правда, сильно подросших за те годы, что она их не видела, узкой улочки все с теми же домиками, прячущимися за кустами сирени, палисадников с ярко цветущими георгинами и «золотыми шарами» Ирина Федоровна глубоко судорожно вздохнула. Кончики ее сжатых от волнения губ дрогнули и поползли вверх.

— А ведь я приехала! — сказала она и, подхватив сумку, легкой походкой спустилась с пригорка по узкой тропинке.

И пошла в глубь деревни.

Последний раз она была здесь четыре года назад на похоронах своей старшей сестры. А потом почему-то все никак не могла заставить себя сюда приехать. Даже когда в прошлом году умер муж сестры, она не появилась. Дом, в котором жили сестра с мужем, а раньше она с родителями и бабушкой, соседи по ее просьбе заколотили.

Когда Ирина Федоровна, пройдя почти через всю деревню и здороваясь с редкими прохожими, подошла к дому, то сердце ее куда-то ухнуло и словно остановилось. Остановилась и она, с трудом дыша и бросив сумку на землю. Дом стоял заброшенный, с заколоченными окнами. В палисаднике с невозможно разросшимися кустами сирени трава высилась почти вровень с облезшим, когда-то выкрашенным голубой краской забором. Рябина, которую посадила еще ее мать, сильно вытянулась и превратилась в раскиди-

стое и высокое дерево. Скамейка возле палисадника, на которой они столько сживали с сестрой, лузгая семечки и обсуждая последние деревенские сплетни, покосилась набок и завалилась назад. Ее почти скрывали кустики чистотела вперемежку с крапивой. Ирина Федоровна подошла к покосившемуся забору палисадника и зачем-то сорвала гроздь почти красной рябины. Затем потеряла ягоды в пальцах и, закрыв глаза, вдохнула горьковатый аромат. И вновь начала улыбаться. На душе становилось все светлее, и даже вид заброшенного дома не мог заглушить эту, все разгорающуюся радость. Крапива затянула и калитку, и ворота. Ирина Федоровна пролезла сквозь ее заросли, оживив голые икры, толкнула калитку и, навалившись на нее плечом, протиснулась внутрь. Двор полностью зарос крапивой, бурьяном и коноплей. Она с трудом продралась сквозь эти заросли и поднялась на знакомо заскрипевшее крыльцо. Дверь в дом была закрыта. Большой висячий замок сильно заржавел. Ирина Федоровна потрогала его, потом, порывшись в сумке, достала связку ключей. Самый длинный ключ был от этого замка, и она много лет хранила его. Она вставила ключ в замок и с трудом повернула. Затем, обмирая от волнения, вошла в дом. Затхлый запах нежилого помещения, темнота от закрытых ставень, очертания такой знакомой мебели, сбивающиеся под ее ногами тканые половики вызвали невольные слезы, но на душе внезапно полегчало.

— Приехала, — тихо сказала Ирина Федоровна, опускаясь на продавленный диван и обводя взглядом полумрак гостиной. — Вот я и дома!

Через неделю практически непрерывной работы

СОДЕРЖАНИЕ

ИГРА	5
ЕГО БЕСЕДЫ	16
АРОМАТ РЯБИНЫ	25
У КАРТИНЫ	38
ЛУЧИК	45
ВИШНЕВАЯ МЕТЕЛЬ	80
ПОГЛОЩЕНИЕ	101
SMS-ки КОЛИ	119
ЗИНОЧКА.	123
КОРОТКО О ЖИЗНИ.	144
КЛАССИКИ.	146
МУЖЬЯ.	151
СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ «КАК Я ПРОВЕЛА ЛЕТО».	170
КУК ЛО.	217
РЕПЕТИЦИЯ.	242
ЦВЕТЫ	258
БУЗИНА	277
ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ...	308